

В СОВЕТ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО НАУКЕ, ТЕХНОЛОГИЯМ И ОБРАЗОВАНИЮ

УВАЖАЕМЫЙ Г–Н ПРЕДСЕДАТЕЛЬ,
УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ
СОВЕТА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО НАУКЕ, ТЕХНОЛОГИЯМ И ОБРАЗОВАНИЮ

*Наука должна быть самым возвышенным воплощением
Отечества, ибо из всех народов первым будет всегда тот,
который опередит другие в области мысли и умственной
деятельности.*

Луи Пастер (1822–1895)

Отчётливо сознавая как роль и значение науки в цивилизованном человеческом обществе вообще, так и её знаковый характер, отражающий действительный уровень развития и зрелости мирового сообщества в целом и того или иного народа – в частности – в умственной и иных сферах достойной человека и человечества деятельности и определяющий перспективы их благопристойного существования,

– имею привлечь Ваше высокое внимание к проблеме, содействие разрешению коей и претворению в жизнь конечных благоприятных результатов, полагаю, должно способствовать обеспечению путей к достижению столь благожеланного прогресса и процветания нашего отнюдь не увядающего в оптимизме Отечества.

Вопрос заключается в следующем. На рубеже веков и тысячелетий, при вхождении в эпоху Водолея, мне выпала, как оказалось, *печальная доля – открытие*, вернее, *переоткрытие* (ибо я стоял на плечах гигантов мысли и благоразумия) *подлинной трактовки смысла имени прилагательного* (и сопредельных частей речи).

Дело в том, что к настоящему времени в лингвистике и смежных дисциплинах, к великому сожалению, возобладала очевидная сама по себе, самопротиворечивая, элементарно и принципиально *ошибочная тенденция* примысливать *адъективу* значение *качества, свойства, признака* (см., в частности, академическую «Русскую грамматику» (АГ–80) и Энциклопедию «Русский язык», подготовленные Институтом русского языка РАН, а также Лингвистический энциклопедический словарь, изданный и переизданный (как энциклопедия вообще) Институтом языкознания РАН, и прочее и прочее и прочее).

Адъектив же, будучи исконным *семантическим субстантивом*, притом *субстантивом конкретным*, является знаком отнюдь *не качества*, как сие ныне – *вопреки всякому здравому смыслу* – всюду и обыкновенно утверждается, но знаком *реального или мыслительно-го субстанциализированного объекта, обладающего соответствующим качеством*. Такое же, напротив, обозначается производным *абстрактным именем существительным*, мотивированным соотносительным *прилагательным*.

Адекватные основоположения и прозрения в этом аспекте восходят, в частности, к *Платону*, к трактату «*Категории*», приписываемому *Аристотелю*, к самому *Стагириту*, *Порфирию*, *Бозцию*, *Присциану*, *Иоанну Дамаскину*, *Ансельму Кентерберийскому*, *Фоме Аквинату*, *Оккаму*, *Гоббсу*, *грамматикам и логикам Пор–Рояля*, *Лейбницу*, *Миллю...*

Грамотный, – по словам, например, *преподобного Иоанна Дамаскина* (VIII в.), – это *сущность, субстанция*, то есть *человек, обладающий грамотностью*, *грамотность* же – *присущее ему качество, акциденция*, то есть *то, что имеет бытие в субстанции* (*преп. Иоанн Дамаскин*. Диалектика, или Философские главы).

На фоне доминирующих ныне вопиюще ошибочных школьных и академических представлений многострадальное *имя прилагательное*, – кое часто и *именем*–то теперь не почи-

тается, – в контексте бесчисленных бездумных исхищений и изощрений претерпевает в отношении себя всяческие экзерциции и экзекуции: *деклассируется*, лишаясь именного статуса, *десемантизируется*, *деконцептуализируется*, ввергается в разряд *синкатегорем*, да и вообще *обесмысливается* и т. д. и т. п.

В частности, *В. Минто*, «Дедуктивная и индуктивная логика» коего на рубеже XIX–XX веков претерпела несколько изданий, будучи рекомендована «для фундаментальных и учебных библиотек» России, – вопреки своему предшественнику *Д. С. Миллю* – утверждал, будто *прилагательное* означает *признак*, и поэтому–де «слово *сладость* равнозначно в этом смысле со словом *сладкий*; оно указывает или сообщает уму читателя идею того же самого *качества*».

Почитая *именами* единственно *субстантивы*, автор вполне естественно противопоставлял сим *знаменательным*, *категорематическим* лексемам *синкатегорематические адъективы*: «*прилагательное*, означающее ... не класс, а *отдельный признак*, не есть *знаменательная (категорематическая) часть речи*...». – *Минто В.* Дедуктивная и индуктивная логика / Перевод с английского *С. А. Котляревского* под редакцией *В. Н. Ивановского*. – 5–е изд. – М., 1905. – С. 74, 79, 81, 84–85 прим. и другие.

В данном случае не выдержал даже редактор издания: «Здесь *Минто* отступает от традиционного употребления терминов «*категорематический*» и «*синкатегорематический*», согласно которому первым из них обозначаются *имена существительные, прилагательные, числительные* и *глаголы*, а вторым – остальные части речи». – Там же. – С. 85, прим.

Х. С. Сёрсенсен в книге «The meaning of proper names with a definiens formula for proper names in modern English» (Copenhagen, 1963), – по свидетельству группы авторов из Института языкознания РАН, оставивших последующий *очевидный и несомненный абсурд* безо всякого упрека, – предлагал «делить слова на *автокатегорематичные* и *синкатегорематичные* денотаторы, относя к первым собственные имена, конкретные существительные и *субстантивированные прилагательные*, а ко вторым – артикли, предлоги, *несубстантивированные прилагательные* и даже *конкретные существительные* (sic!), употреблённые без артикля и не соотношённые с определённым предметом. Первые, – согласно представителю копенгагенской школы, – обозначают (денотируют) независимо от других знаков, вторые без помощи других знаков не денотируют». – *Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В.* Общая терминология: Вопросы теории. – М.: «Наука», 1989. – С. 158–159.

Н. Д. Арутюнова, безапелляционно лишившая все вообще *слиппы*, – как слова, по её мнению, якобы имеющие «только *непредметное (признаковое, характеризующее)* значение», – «*денотативного наполнения*» и рассматривающая их как «сами по себе не приспособленные к *денотации*» и «обладающие только *понятийным содержанием, сигнификатом*», в ряде случаев не против и того, чтобы устранить и это последнее препятствие к полнейшему *обесмысливанию* и причислению сих к *синкатегоремам*. – *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. – М., 1998 (1999). – С. 4, 6 и другие; *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. – М., 2002 (1–е изд. – 1976). – С. 13.

Сказанное, естественно, влечёт за собой многое множество самых фантазмагорических искажений в последующих концептуальных построениях: *в теории имени вообще и в частности*, в том числе (не говоря уже о теории самого по себе *имени прилагательного*) – *в теории имени существительного, имени числительного*, а также *причастия, наречия, местоимения* и даже *глагола*, *в теории предикации, теории предложения* и *теории умозаключения* etc. Ибо, согласно мудрому и прозорливому *Аристотелю*, «*даже небольшое отклонение от истины умножается в рассуждениях, отошедших от неё, в дальнейшем тысячекратно*» (*О небе*, 5).

(Вспомним о витиеватой и кудреватой *теории эксцентриков и эпициклов*, известной в принципе и самому *Стагариту* и призванной хотя бы как–то залатать прорехи изначально

порочного геоцентрического учения, в частности – *Птолемея*, с недвижной Землёй в качестве «пупа» Вселенной, учения, которое в качестве краеугольного камня было положено в основание интерпретации библейской картины мира и обрело характер непререкаемой истины...

По словам ещё *Фомы Аквината* в «Сумме теологии» (1225–1274), «в астрологии теория эксцентриков и эпициклов считается подтверждённой, поскольку она объясняет видимое движение небесных тел». В действительности же для этого нужно было просто «*сдвинуть Землю*». И на памятнике *Копернику* в Полонии именно сие и начертано: «*Он сдвинул Землю*».)

В иллюстративных целях воспроизведём отдельные *некорректные* дефиниции и дескрипции из академической «Русской грамматики» (АГ–80) по её *online*–версии. Сей обширнейший свод нормативных рекомендаций и научных описаний, – *не всегда*, к сожалению, *адекватных*, – несколько десятилетий тому назад созданный сотрудниками Института русского языка имени *В. В. Виноградова* Российской Академии наук, по всей вероятности, будет служить назиданию в грамоте всех россиян, – а также, без сомнения, и нероссиян, – и в XXI веке, и, пожалуй, во всём III–м тысячелетии. Ведь в ближайшей перспективе вряд ли можно ожидать появления опуса, столь же грандиозного по замыслу и листажу. В Интернете текст его помещён сравнительно недавно, по всей вероятности, лишь где–то во второй половине 2002 года.

В соответствующем разделе АГ–80 обнаруживаем ставшую уже традиционной декларацию: «*Имя прилагательное* – это часть речи, обозначающая *непроцессуальный признак предмета* и выражающая это значение в словоизменительных морфологических категориях рода, числа и падежа» (§ 1294).

Здесь же, несколько прежде, указана и смысловая лексическая, по *Л. Блумфилду*, «*параллель*» *адъективу*: *соотносительное производное, мотивированное им же абстрактное субстантивное имя того же «непроцессуального признака предмета»*. В паре «*прилагательное – существительное, обозначающее тот же признак*», например: «*белый – белизна, ...красный – краснота, синий – синь*», – говорится здесь, – значение одного из сопоставленных однокоренных слов, связанных отношением словообразовательной мотивации, «*тождественно значению другого во всех своих компонентах, кроме грамматического значения части речи*» (§ 191, 192).

То есть, иначе и проще говоря, *прилагательное* со всей очевидностью объявляется здесь *синонимичным* соотносительному производному им же мотивированному *абстрактному имени существительному*, действительно обозначающему *непроцессуальный признак предмета*.

В данном случае, естественно, «*мотивированным* признаётся *существительное*», поскольку, как утверждается со ссылкой на § 1111, *значение признака* является *общим значением «прилагательного, но не существительного»* (§ 192). Но одновременно с этим, – и сие мы видели только что, – последнее трактуется как «*обозначающее тот же признак*». Вопрос только в том, как же сие возможно?

Всё это, несмотря на официозный–таки характер источника происхождения опуса – из недр академического института (чего только, однако, не бывает: *из сего источника* и не такие молдованские фонтаны, бывает, извергаются!), – представляет собой *очевидный и оглушительный абсурд*.

Чтобы наглядно убедиться в этом, с детской наивностью рискнём попросить наших мудрецов продемонстрировать приложение их деклараций на деле. Уж если *имя прилагательное*, – как сие ими утверждается безо всякой тени сомнений и ограничений в словоупотреблении, – *тождественно* значению *соотносительного производного однокоренного абстрактного субстантивного имени*, связанного с первым «отношением словообразовательной мотивации», притом *тождественно* «*во всех своих компонентах, кроме грамматического значения части речи*», то резонно предположить, что сии *синонимичные* лексемы в контексте речи должны быть *взаимозаменяемыми*.

И на полном законном основании («еже рекох – рекох»!) мы вправе были бы ожидать появления таких перлов: «Снег (есть) *белый*, то есть *белизна*», «Мак (есть) *красный*, то есть *краснота*», «Этот карандаш (есть) *синий*, то есть *синева (синь)*».

Однако вряд ли мы дождёмся сего. А почему же?

Да потому, что настолько очевидна *нелепость* последствий применения провозглашённых нашими декларантами не менее *нелепых принципов*, что вряд ли кто-либо из них сможет отважиться продемонстрировать верность им *де факто*. Хотя в данном случае и умножаются минусы, это никоим образом отнюдь не приводит к плюсам. Ведь сопоставление несопоставимого возможно лишь *в абстрактных витаниях фантазиастов*. А как *на деле* с сим столкнутся, то вмиг впросак и попадутся, как некая ворона – в хлестаковский суп.

Ведь ещё *Платон* (427–347 гг. до Рождества Христова) почти два с половиной тысячелетия тому назад, – вопреки нашим мудрецам, – вполне различал *имена*, много позднее классифицированные как *абстрактные имена существительные*, обозначающие собственно *качества*, – каковые *имена* буквально до него в греческом языке, можно сказать, блистали своим *отсутствием*, как, собственно, и термин «*качество*», им же, как утверждает–таки традиция, в оборот и введённый, – и как *имена прилагательные*, изобильно использовавшиеся и прежде, в частности – эпическим и эпохальным *Гомером*.

Гомер же отнюдь–таки не знал ни *абстрактных существительных*, ни самого термина «*качество*» (см., в частности, Греко–немецкий словарь языка великого *Слепца*).

И что же у него в сем случае могли означивать лексемы в форме *адъективов*? А ведь они–таки хоть что–то же и означали?

В высокоумном диалоге «*Тэтет*», 182 АВ, *Платон*, – вернёмся вновь к нему, – атрибуировал почтенному детоводителю своему – *Сократу* (около 470–399 гг. до Рождества Христова), преизощрённому в искусстве диалектики, – своего рода «повивальном искусстве», маевтике, – достойные внимания слова, имеющие в виду гераклитовцев и адресованные киренскому математику–геометру *Феодору*:

«Взгляни ... и вот на что: разве не говорили мы, что возникновение *теплоты, белизны* и чего бы то ни было другого они (сии мудрецы) объясняют так, что каждое из этого одновременно с *ощущением* быстро движется между *действующим и страдающим*, причём *страдающее* становится уже *ощущающим, а не ощущением*, а *действующее* — *имеющим качество, а не качеством?*».

И далее *Сократ* продолжал: «Вероятно, тебе кажется странным это слово «*качество*» и ты не понимаешь его *собирательного смысла*, но всё же выслушай всё по порядку. Ведь *действующее* не бывает ни *теплотой*, ни *белизмой*, но становится *тёплым* или *белым*, равно как и всем прочим. Ты ведь помнишь, как прежде мы толковали, что *единое* само по себе есть *ничто* — не *действующее* и не *страдающее*, но из взаимного сочетания того и другого рождаются *ощущение* и *ощутимое*, и последнее становится *имеющим качество*, а первое — *ощущающим*».

Таково, можно сказать, одно из первых в истории науки, – если не первое вообще, – сопоставление *слов в форме имён прилагательных и причастий (слиппов)* и соотносительных *абстрактных имён существительных*. Как видим, *абстрактные субстантивы* обозначают *качества (белизна, теплота, ощущение)*, тогда как *адъективы* (вместе с *причастиями*) – некие *субстанции, имеющие качества (белое, тёплое, ощущающее, оощутимое)*.

Несколько позднее автор приписываемого *Аристотелю* трактата «*Категории*», – опять–таки вопреки нашим мудрецам, – вполне и очевидно различал означенные выше *имена*. Он, в частности, писал: «*Качеством* я называю то, благодаря чему *предметы, обладающие некими качествами*, такими, например, как *сладкость, горечь, белизна, чернота*. – *А. Ю.*), называются *окачествованными*».

В большинстве случаев *окачествованные*, или *качественные предметы* означаются, – как тогда–таки считалось, – «*производными* от них (*качеств*) *именами*», то есть античными *отыменными*; так «мёд называется *сладким*, так как он наделён *сладкостью*, и тело называется *белым*, так как оно наделено *белизной*»; от *грамоты* владеющий ею человек именуется *грамотным*, от *мужества* – *мужественным*; «*бледность* или *смуглость* называются *качествами* (ведь нас называют *окачествованными* (*бледными* или *смуглыми*) благодаря им)»; «у *качества* бывает и противоположность; так, *справедливость* противоположна *несправедливости* (ниже: «если *справедливость* противоположна *несправедливости*, а *справедливость* есть *качество*, то, значит, и *несправедливость* – *качество*»), *белизна* – *черноте*, и всё остальное таким же образом; равно как и всё то, что названо по ним *окачествованным*; например, *несправедливое* противоположно *справедливому*, *белое* – *чёрному*» («*Категории*», главы I, VIII).

Стагирит, к сожалению, *ошибочно* внёс в понимание *имени прилагательного* (в его терминологии – *привходящего*) момент *омонимической неоднозначности*. Это, можно предположить, надолго – вплоть до наших баранов – и стало *ошибочным* основанием *некорректной неоднозначной или инозначной трактовки адъектива*. В частности, первая глава диалогического трактата *Ансельма Кентерберийского* (1033–1109) «*О грамотном*» имеет знаменательный подзаголовок: «*Каким образом «грамотный» есть субстанция и качество*».

Согласно словам совершившего в данном случае *роковую ошибку* древнего философа, безусловно наложившую негативный отпечаток на последующее многовековое развитие науки о языке, «*привходящее*, например, *образованное* или *бледное (белое)*, ... имеет *двойной смысл*, ... ведь *бледно* и (1) то, чему случается быть *бледным*, и (2) само *привходящее свойство*» (*Аристотель*. *Метафизика VII. 6, 1031 b 22*).

Однако же и *Стагирит* – вопреки своим собственным *псевдотеоретическим декларациям* – *практически и по существу различает имена в форме прилагательных*, а также и *причастий (слипты)*, – и *имена в форме абстрактных существительных*.

В частности, *Аристотель* пишет: «...когда у кого–то (то есть у некоего *человека*) имеется *образованность*, он называется *не образованностью, а образованным*, ... *не бледностью (белизной), а бледным (белым)*, также *не хождением или движением, а идущим или движущимся*». «Быть же *белым*, – согласно *Стагириту*, – будет означать соединение *поверхности и белизны*». По аналогии и «изваяние, (изготовленное из дерева, меди или камня), называется *не деревом, а производным словом – деревянным*, (так же как и) *медным, а не медью, каменным, а не камнем*» (*Аристотель*. *Метафизика IX. 7, 1049 a 30; VII. 7, 1033 a 17; VIII. 6, 1045 b 15*). Здесь, как видим, наблюдается полное согласие с *Сократом* и *Платоном*.

Весьма примечателен и назидателен следующий достаточно корректный тезис *Стагирита*, выраженный в античной манере: «(*Тождественны*) «*человек*» и «*образованное*», потому что последнее есть привходящее для первого, а «*образованное*» есть «*человек*», потому что оно нечто привходящее для человека. И каждой из этих двух частей *тождественно* целое, а целому – каждая из них, ибо «*человек*» и «*образованное*» означают то же, что и «*образованный человек*», а этот – то же, что они ... *тождественными* представляются «*Сократ*» и «*образованный Сократ*»» (*Аристотель*. *Метафизика V. 9*).

Как видим, здесь имеется в виду совершенно иная *тождественность*, чем то мы наблюдаем в АГ–80, то есть приблизительно через 2345 лет: *тождественны* отнюдь не «*белое*» и «*белизна*», как там, не «*образованное*» и «*образованность*», а, напротив и вопреки, «*человек*» и «*образованное*» и т. д. и т. п.

И ещё: «*Единым*, или *одним*, называется то, что едино привходящим образом, и то, что едино само по себе. Привходящим образом едино, например, «*Кориск* и *образованное*» и «*образованный Кориск*» (ибо одно и то же сказать «*Кориск* и *образованное*» или «*образованный Кориск*»); точно так же «*образованное* и *справедливое*» и «*образованный* и *справедливый Кориск*». Всё это называется единым благодаря чему–то привходящему: «*справедливое* и образо-

ванное» – потому, что то и другое есть нечто привходящее для одной сущности, а *«образованное»* и *«Кориск»* – потому, что первое есть привходящее для второго. Также в некотором смысле и *«образованный Кориск»* – одно с *«Кориском»*, потому что одна из частей этого выражения есть нечто привходящее для другой, а именно *«образованное»* для *«Кориска»*; и *«образованный Кориск»* есть одно со *«справедливым Кориском»*, потому что одна из частей и того, и другого выражения есть нечто привходящее для одного и того же. Подобным же образом дело обстоит и тогда, когда *привходящее* сказывается о роде или о каком-нибудь общем имени, например: если говорят, что *«человек»* и *«образованный человек»* – одно и то же; в самом деле, так говорят или потому, что *образованность* есть нечто привходящее для *человека* как *единой сущности*, или потому, что и то, и другое есть нечто привходящее для чего-то единого, например – для *Кориска»* (*Аристотель*. Метафизика V. 6).

Обратим внимание: одно и то же *«человек»* и *«образованный человек»*, ибо *образованность* есть нечто привходящее для *человека* как *единой сущности*, или потому, что и то, и другое есть нечто привходящее для чего-то единого, например – для *Кориска»*.

И ещё: «...мы говорим, что *справедливый есть образованный*, что *человек есть образованный* и что *образованный есть человек*, приблизительно так же как говорим, что *образованный в искусстве строит дом*, ... когда мы говорим, что *образованный есть человек*, мы говорим, что *образованность* есть нечто привходящее для *человека»* («Метафизика», V. 7).

Весьма поучительны и назидательны размышления по вопросу о *семантике слов в форме имён прилагательных и причастий* (сокращённо – *слиппов*) и *принципах словоприменения* «последнего римлянина» – *Бозция*. Позиция *Иоанна Дамаскина* кратко показана выше.

Очевидный и оглушительный абсурд бездумных сентенций «Русской грамматики» (АГ–80) и прочих академических и неакадемических опусов *о тождественности имени прилагательного* и якобы *синонимичного* ему *абстрактного имени существительного* именно так или около того квалифицировался на основании с безусловной закономерностью следующих из них *абсурдных же выводов* по крайней мере ещё в XI веке.

Ученик из упомянутого выше диалога *Ансельма Кентерберийского «О грамотном»* (с подзаголовком, напомним: «Каким образом *«грамотный»* есть *субстанция* и *качество»*), всячески одурачиваемый *Учителем* (*Ученик*: «...мне кажется, что ты вроде бы не о том заботишься, чтобы научить меня, а о том только, как бы помешать моим рассуждениям»; как видим, средневековый магистериум страдал тем же недугом, что и современный), вынужден был – под непомерным давлением своего ментора – *ошибочно* признать, будто «любой, кто понимает имя *грамотного*, знает, что *грамотный* обозначает (и) *человека*, и *грамотность»*.

Однако при этом *Школяр* выносит следующий справедливый вердикт тем более *не корректному* применению *ошибочного* самого по себе принципа: «...всё-таки если я, полагаясь на это, скажу на людях: *«Полезная наука грамотный»* или *«Этот человек хорошо знает грамотного»* (*грамотный* на основе утверждаемой амфиболии поставлен здесь вместо *грамотности* или просто *грамоты*. – *А. Ю.*), то не только грамотеи *надорвут животики*, но и простые люди *рассмеются»*.

«Поэтому, – следует далее, – я несколько не поверю без какого-нибудь другого повода тому, что так часто и так усердно пишут в своих книгах учёные диалектики, чего они сами наверняка *устыдились* бы, если бы им пришлось сказать об этом в беседе. Ибо очень часто, когда они хотят показать *качество* или *привходящее* (accidens), прибавляют (в качестве примера): как *грамотный* и тому подобное, хотя обычное словоупотребление свидетельствует о том, что *грамотный* скорее *субстанция*, чем *качество* или *привходящее*. И если хотят чему-то учить о *субстанции*, никогда не говорят: как *грамотный* или что-то в этом роде».

Затем выдвигается контр-аргумент: «Получается, что если *грамотный* потому называется *субстанцией* и *качеством*, что обозначает *человека* и *грамотность*, почему точно так же *человек* не является *качеством* и *субстанцией*? Ведь *человек* обозначает *субстанцию*

со всеми теми *признаками*, какие есть в *человеке*, как *чувствительность* и *смертность*. Но никогда там, где пишут о каком-либо *качестве*, не приводят для примера: как *человек*» (*Ансельм Кентерберийский*. О грамотном, XI).

Впрочем, понимание *абсурдности* подобных построений демонстрирует и сам блуждающий в раздвоении *Учитель*. По его собственным словам, «ни в какой повседневной речи не говорится «*грамотность* есть *грамотный*» или «*грамотный* есть *грамотность*», или же: «*разумность* есть *человек* или *человек* есть *разумность*», «но (можно сказать): «*человек* есть *грамотный*» и «*грамотный* (есть) *человек*» и т. д. (*Ансельм Кентерберийский*. О грамотном, XII). Всё это, напомним, говорилось и писалось ещё в XI веке.

Для оправдания своих блужданий престранноглаголивый *Учитель* выдвигает целую *ошибочную* «теорию», по существу восходящую к одной некорректной оговорке – (подлинной или интерполированной?) – в трактате «*Категории*» (нечто созвучное можно найти и у *Аристотеля*). Уже в XX веке эта «теория» получила отражение в концепциях *А. Чёрча*, *Р. Карнапа*, *К. И. Льюиса*...

Учитель, то есть сам *Ансельм*, насильственно разделяет *двудиную интенциональную и экстенциональную характеристику* имени (напомним о так называемом *семантическом треугольнике!*) на два *отдельных* аспекта: *обозначение* и *называние*. По его словам, «*грамотный* не обозначает *человека* и *грамотность* как одно, но *грамотность* прямо (через себя: per se), а *человека* – косвенно (через иное: per aliud). И хотя это имя является *называющим* (appellativum) *человека*, всё же неправильно сказать, что оно является его *обозначающим* (significativum)». И наоборот: «в то же время как оно является *обозначающим грамотность*, всё же не является её *называющим*».

«*Называющим* же именем какой-либо вещи, – следует далее, – я называю теперь то, чем к этой вещи адресуются (quo res appellatur) в повседневной речи (usu loquendi). Ведь, – несколько повторимся, – ни в какой повседневной речи не говорится «*грамотность* есть *грамотный*» или «*грамотный* есть *грамотность*», но (можно сказать): «*человек* есть *грамотный*» и «*грамотный* (есть) *человек*» (*Ансельм Кентерберийский*. О грамотном, XII; см. XIII и далее).

Впрочем *Учитель*, то есть *Ансельм*, был, несомненно, не одинок. По его собственным словам, «нас не должно смущать, что *диалектики* пишут о словах одно, как об *обозначающих*, а применяют их в речи по-другому, как *называющие*, если и *грамматики* одно говорят соответственно *форме слов* и другое – согласно *природе вещей*» (*Ансельм Кентерберийский*. О грамотном, XVIII).

В действительности же эти два аспекта, две функции слова являются нераздельными и отнюдь не могут противопоставляться. И слово *то, что обозначает, то и называет*, или наоборот. Именно это и подтвердил *Оккам*, коему полемически противостоял *Вальтер Бурлей*. Именно на этом принципе и «работает» упомянутый выше тако именуемый *семантический треугольник*. Посему – то *Иоанн Дамаскин*, – как и *Давид Анахт*, – писал: *имя* (то есть в данном случае – *дефиниендум*) *есть сокращённое определение* (в данном случае – *дефиниенс*), а *определение* – *пространное имя*. Соответственно *имя* может именовать не только *вещь*, но и *дефиниенс*, то есть *понятие*, а *дефиниенс* – *имя*. Это, полагаем, самоочевидно, нужно лишь произвести *обращение определения* как совокупности *дефиниендума* и *дефиниенса*.

Пример подобного *обращения* из диалога *Ансельма Кентерберийского* «*О грамотном*»: «*Ученик*. Конечно, *животное* есть не что иное, как «*субстанция одушевлённая и чувствующая*», и «*субстанция одушевлённая и чувствующая*» есть не что иное, как *животное*». *Учитель* вполне с этим согласен (*Ансельм Кентерберийский*. О грамотном, III).

Самое интересное, что наши предки, *древние русичи*, по крайней мере почти тысячу лет тому назад, – то есть в век ансельмов, – принципиально различали по смыслу и денотату, экстенсионалу *имена прилагательные* и *абстрактные существительные*, – не пользуясь, конечно, самими этими терминами, – а также и другие соотносительные понятия.

Уже в *Изборнике великого князя Святослава Ярославича 1073 года*, в частности, можно было прочесть, что не одно и то же суть *то, в чём существует некое качество, и само это качество*. Например, не одно и то же *добрый, добродетельный* (ἐνἀρετος), то есть *тот, в ком обретается доброта*, и сама эта *доброта, добродетель* (ἀρετή), обретающаяся в нём; не одно и то же *злой* (κακός), то есть *тот, в ком гнездится зло*, и само это *зло* (κακία), гнездящееся в нём. В противном случае пришлось бы утверждать, что Господь, сотворивший *человека*, собственным произволением подпавшего *злу*, есть *посему и творец зла*.

И если нечто случайное, привходящее, – продолжается, – имеет бытие в сущности, то это отнюдь не означает, что случайное есть сущность и сущность – случайное. И если *человеческое тело* называется *одушевлённым*, то вовсе не допустимо говорить, что *одушевлённое*, то есть *тело*, есть *душа* и *душа – тело*, то есть *одушевлённое*. «И кто же, – заключается, – сможет стерпеть нелепость (безумие) такого смешения (сего измѣта неистовые – τῆς συγχύσεως τὴν μανίαν)?» (Л. 236 об.). Это, как видим, просто буквальный *Анти-Аристотель!*

Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года, отметим, по всей вероятности, является списком более ранней трансляционной славянской рукописи, восходящей ко временам болгарского царя *Симеона* (первая четверть X столетия), то есть к *золотому веку* болгарской письменности. Греческий же протограф в соответствующей части много старше к тому же первоначального славянского перевода.

Пьер Абеляр (1079–1142), – продолжим, – младший современник *Ансельма Кентерберийского*, безутешный в другом отношении, в свою очередь *потешался* над теми, кто утверждал, будто *прилагательные* (он называл их *sumpta, производные*) означают *формы*, то есть *качественные характеристики субстанций, качества*. Согласно его собственному твёрдому, основанному на объективных фактах убеждению, таковые являются *именами объектов* сообразно присущим им *квалитативным формам*. Именно посему он смог уразуметь и то, что так называемые *видовые отличия*, обычно обозначаемые посредством *адъективов*, суть отнюдь *не квалитативные формы, а окачествованные субстанции* (Абеляр. Диалектика).

Собственно, *видовые отличия*, как то: *двуногое, живущее на суше*, сказываемые о *человеке* и в греческом оригинале обозначенные простыми *именами прилагательными*, – вполне *корректно* помещаются в категорию «*сущность*» («*субстанция*») и подводятся под определение «*сущности*» ещё в современном *Стагириту* и часто именно ему и приписываемом трактате «*Категории*» (глава V).

Более того, в главе XIII сего трактата аналогичные же словосочетания, как то: *пернатое, живущее на суше* и *живущее в воде*, – прямо называются *видами* и возводятся к одному и тому же *роду – живое существо*.

(У *двузначного* же *Аристотеля*, отметим, в «*Метафизике*» (VII. 7, 11) *сущностями* и даже *первыми сущностями* называются, напротив, *формы, ошибочно* обозначаемые попеременно то посредством *адъективов* (VII. 8), то *абстрактных существительных* (V. 14, 28; VII. 7). В данном случае наблюдается отличие от «*Категорий*», где *первыми сущностями* именуются *единичные, индивиды* (их же *виды* и *роды* называются *вторыми сущностями*). *Видовые же отличия*, также *ошибочно* обозначаемые попеременно то так, то этак (что особенно проявляется в русском переводе трактатов), в той же «*Метафизике*» (V. 14, 28; XI. 12) и «*Топике*» (VI. 6), – вопреки выше сказанному, – именуются *качествами*: «*относящееся к сущности видовое отличие есть качество*». Впрочем, в некоторых подобных случаях стоит греческое *ποιόν*, кое следовало бы переводить не как *качество*, а как *качественное*, то есть подразумеваемая *окачествованную субстанцию*. Ведь в то же время в «*Метафизике*» (VII. 12) *последнее видовое отличие*, обозначаемое *адъективом*, прямо именуется «*формой и сущностью*»...)

Корректное, грамотное понимание *видового отличия* как *сущности, субстанции* можно наблюдать и в дальнейшем: у *Бозция* и *Иоанна Дамаскина* (в построении предикаментального «*древа Порфирия*» и в некоторых сентенциях), у *Абеляра*, что отмечалось выше, *Фо-*

мы Аквината, Оккама, Гоббса, грамматиков и логиков Пор-Рояля, о чём свидетельствовал даже Ч. С. Пирс, Лейбница... Но подробнее об этом в приобщаемых материалах.

Лейбниц (1646–1716), в частности, измученный некорректными и в принципе ненужными субтильными схоластическими дистинкциями, применительно к проблеме семантики *имени прилагательного* в трактате «Общие исследования, касающиеся анализа понятий и истин» писал: «Мы будем принимать здесь также *всякий* термин за полный, то есть за *существительное*, так что «*большой*» есть то же, что и «*большое существо*», ... подобно тому, как *носатый* [человек] называется «*носатый*». Итак, и в данном случае мы не нуждаемся в различении *прилагательного* и *существительного*, за исключением необходимости обозначить эмфазу».

(Интересно, полагаем, отметить, что данный трактат Лейбниц начинает следующим тезисом, свидетельствующим о достаточно *корректном* понимании того, что в логике именуется *субстанциализированием абстракций в мышлении* (А. Тренделенбург, Е. К. Войшвилло и немногие другие): «Теперь оставим в стороне все абстракции и каждый термин будем *мыслить* только по отношению к конкретным [вещам], будь то субстанция, например «*Я*», или явление, например – «*радуга*». Таким образом, мы можем теперь не заботиться о различении абстрактных и конкретных [терминов]; во всяком случае будем употреблять только такие абстракции, которые являются логическими, или понятийными, как, например, «*В*–ность *А*», что означает, что «*то А есть В*».

В принципе, и *логические*, или *понятийные абстракции в мышлении* также *субстанциализируются*. По существу, мы можем *мыслить о качестве* так, *будто* это некая *субстанция*. Но лишь *мыслить*, несомненно памятуя при этом, что в действительности *качество*, например, *белизна*, – это всего лишь *абстракция*. И если оно и *мыслится как субстанция*, но это *субстанция* лишь *мнимая*. Подобное понимание, собственно, восходит к *Аристотелю*. В узусе, в обиходе обычно говорится: «*существуют качества*» и т. д. *Т. Котарбинский* вполне справедливо называл подобные слововыражения *сокращенно–заместительными*. Но в *действительности* следует *безусловно* иметь в виду, что, по *Энгельсу*, «существуют *не качества*, а только *вещи, обладающие качествами*, и притом бесконечно многими *качествами*». (Именно в сем несомненно *корректном* тезисе соратника *Маркса*, отметим, один из современных университетских учёных *Д. И. Руденко* с тенденциозной проницательностью узрел даже *некоторый «реистический» оттенок*.) И «*вещи, обладающие качествами*, и притом бесконечно многими *качествами*», – согласно, в частности, трактату «*Категории*», – называются *окачествованными*, или *качественными*, и как раз они и могут обозначаться, и обозначаются соотносительными *именами прилагательными*. В частности, *вещь*, обладающая, например, *белизной*, по соотношению именуется *белой*.)

Быть может, последним беззаветным (хотя и не во всём–таки безупречным) защитником *именного субстантивного статуса адъективов*, – если не считать разве что *Тадеуша Котарбинского*, не вполне справедливо именованного обскурантами «*реистом*» – вместе, впрочем, с *Фридрихом Энгельсом* (смехотворное обвинение, как уже говорилось, принадлежит *Д. И. Руденко*), – был *Джон Стюарт Милль* (1806–1873), известный сын небезызвестного *Джеймса Милля*.

Милль–младший знал о существовании в его время интенции причислять *прилагательные* к разряду *синкатегорематических* слов, кои «*не суть имена*» и «*не выражают никаких вещей*, о которых можно что–нибудь утверждать или отрицать», и потому «могут войти в предложение только в соединении с другими словами».

«Однако *прилагательное*, – парирует последний из могижан, – может одно быть как *сказуемым* предложения (например, когда мы говорим «*снег бел*»), так иногда даже и *подлежащим*».

«Часто говорят, – цитируем далее, – что *прилагательное* употребляется таким образом вследствие некоторого *грамматического эллипсиса*, или *опущения*; «*снег бел*» значит собственно «*снег есть белый предмет*».

«Впрочем, – заключает автор, – это различие скорее грамматическое, чем логическое; в сущности, нет никакой разницы по смыслу между (словами) «*круглое*» и «*круглый предмет*», и только обычай заставляет нас употреблять в одном случае одно, в другом – другое выражение. Поэтому, – декларируется, – *мы будем, не обинуясь, говорить о прилагательных как об именах – будь то на основании их собственного смысла, или же в качестве заместителей указанных выше сложных выражений*».

Проводя различие между *именами конкретными (предметными)*, – к коим он относил и *имена прилагательные*, – и *абстрактными (отвлечёнными)*, Милль разумел «под *отвлечённым* всегда *протиположно конкретному*: под *отвлечённым именем* – название признака, под *конкретным* – название предмета».

Однако вскоре после *Джона Стюарта Милля* языкознание на долгое время оказалось в руках главным образом *арифметиков, математиков и математизированных логиков* (*Ч. С. Пирс, Г. Фреге, Б. Рассел, А. Чёрч, Р. Карнап* и прочие тому подобные). И наши много-страдальные лексемы, ещё в недавнем прошлом – *полнозначные субстантивные имена*, по странному недоразумению стали безоговорочно переводиться в разряд неких якобы обозначающих признаки *предикатов, предикаторов* и даже *функций*. И в конечном итоге они получили именованья *предикатов качества, семантических предикатов, предикатных знаков, признаков* и даже *призначных слов*. И если теперь иногда их ещё и называют *именами*, то в лучшем случае лишь *именами признаков*...

В качестве окончательного и бесповоротного *курьёза* можно привести размышления по проблеме *математика В. А. Успенского* в статье «Подлежащее или сказуемое? Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях» (1979), помещённой в сборнике автора «Труды по нематематике».

Излагая смысл сформулированного им уточнения некоего «содержательного критерия (он же семантический или логический) различения *подлежащего* и *сказуемого* в двусоставном (биноминативном) предложении», якобы «после которого он может, как правило, давать однозначный ответ», *В. А. Успенский*, в частности, пишет: «...семантическое различие между *подлежащим* и *сказуемым* состоит – в ясных случаях – в том, что *подлежащее* действительно *обозначает (предмет или признак)*, а *сказуемое ничего само по себе не обозначает* (в том смысле слова «*обозначать*», который выражает отношение между *именем* и его *денотатом*); оно лишь *приписывает признак* тому *объекту*, который *обозначен подлежащим* (выявление этого тонкого различия принадлежит *Фреге*). Так, – следуют иллюстрации, – во фразе: «*Задумчивость – её подруга*» – слово *задумчивость* обозначает *признак*, но слово *задумчива* во фразе: «*Она задумчива*» – *ничего не обозначает*: это *предикат*» (*Успенский В. А.* Подлежащее или сказуемое? Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях // Труды по нематематике / С приложением семиотических посланий *А. Н. Колмогорова* к автору и его друзьям. – Т. 1–2. – М.: ОГИ, 2002. – 1401 с. – С. 456).

«*Предикаты вообще не именуют*» – это, напомним, лозунговый слоган современной предикатной лингвистики. При этом, как видим, всё опять–таки упирается в *слиппы!* Однако нашим мудрецам следовало бы знать, что в истинном *биноминативном* предложении *предикат*, в том числе – и выраженный *слиппом*, с безусловностью *именует* – кроме всего прочего – и *субъект*, вернее же сказать – *денотат субъекта*, который в результате становится и его *денотатом*. Ведь подобное двусоставное предложение представляет и выражает собой *элементарный акт именованья*

Всё это и многое другое нуждается в *безотлагательном уврачевании, в коррекции* посредством приведения к единому и истинному общему знаменателю – *знаменательному исконно субстантивному имени*, некогда в *синтаксическом аспекте* получившему именование *имени прилагательного* (первоначальный греческий *эпитет*). Но прежде всего необходимо освободиться от нелепого *квалитативистского* обскурантистского поветрия. А для этого, образно говоря, опять–таки нужно «*сдвинуть Землю*»...

Но нужды здесь ждать нового *Коперника* отнюдь и вовсе нет: подлинный *субстантивный смысл имени прилагательного восстановлен* автором настоящих строк.

Благовременно возвратимся теперь к последним дням. *Около шести лет тому назад* двумя небольшими изданиями вышла книга автора *в фавуле: А. И. Юрченко*. «Прилагательное: потерянное и возвращённое имя» (М.: Институт Европы РАН, 2004; М.: Издательство «Перспектива», 2004; общий тираж – всего 300 экземпляров). К сему посланию прилагаются два экземпляра книги и две дискеты с электронным вариантом текста.

Прежде публикации рукопись была апробирована и получила блестящую оценку в отзывах действительного члена Российской Академии наук по отделению литературы и языка д-ра филологии профессора *Ю. С. Степанова* (Институт языкознания РАН); д-ра филологии профессора *В. М. Алпатова*, заместителя директора Института востоковедения РАН; тогда профессора кафедры общего языкознания МГПУ д-ра филологии *А. М. Камчатнова* (его перу принадлежит *Предисловие* в опубликованной книге); д-ра филологии профессора *В. З. Демьянкова*, буквально тут же занявшего пост заместителя директора Института языкознания РАН.

Экземпляры опубликованной книги были направлены в десятки ведущих научных лингвистических центров и высших учебных заведений, в главные библиотеки страны. Некоторые материалы помещены на Интернет-сайтах: [www. textology.ru](http://www.textology.ru) и др.

В прилагаемой публикации, включающей в себя фрагменты готовившейся к печати одноименной монографии автора, в историческом контексте дан абрис современного состояния отечественной, европейской и – в конечном итоге – мировой лингвистической «науки» применительно к трактовке *семантики имени прилагательного*, в частности, в индоевропейских языках. Показана очевидная сама по себе *противоречивость* и *элементарная ошибочность* нынешних школьных и академических представлений в этом аспекте, *восстановлен подлинный смысл адъектива, безусловного исконного и всевременного семантического субстантива, субстантива*, естественно, *конкретного*, являющегося *знаком отнюдь не качества, свойства, признака*, как это ныне всюду и обыкновенно утверждается, но *знаком предмета, обладающего соответствующим качеством*, кое обозначается *абстрактным именем существительным*, мотивированным соотносительным *прилагательным*.

В свете *корректного предметного значения* лексем данного класса, *восстановленного автором*, в результате подлежат пересмотру и адекватной, как показано, реконструкции многие устоявшиеся в языкознании псевдонаучные шаблоны и стереотипы в контексте *теории имени вообще* и *имени прилагательного, имени существительного, имени числительного, причастия* и *других частей речи*, а также *теории предикации, теории предложения, теории силлогизма* (в формальной логике) и многих иных связанных с этим аспектов современной лингвостерии, а также логики и философии (например, аристотелеведения).

Казалось бы, на этом фоне столь высокое представительство даже корпуса рецензентов, *теоретически* вполне разобравшихся в проблеме и достойно оценивших предложенное автором *корректное решение* таковой, должно было бы обеспечить *практическое внедрение адекватных идей* хотя бы в отечественное языкознание. Ан не тут-то было: воз и ныне там!

Прошли, к печали, те времена, когда воздействие мысли на общество, – в том числе и общество, считающее себя учёным и образованным, – было, согласно *Г. К. Лихтенбергу* (1742–1799), продолжателю *Лессинга*, «подобно воздействию искры на порох».

Я не говорю уже о рядовых подневольных университетских профессорах, коим, однако, тоже не повредило бы проведение здравых идей в жизнь. Однако набрали в рот воды такие лингвомонстры, как Институт языкознания РАН (директор *В. А. Виноградов*, замдиректора *В. З. Демьянков*) и Институт русского языка РАН имени *В. В. Виноградова* (директор *А. М. Молдован*, замороженный, как видно, дирижёрскими пассажами замдиректора *Крысина*). Погружённым в безмятежную пустопорожную нирвану, им, похоже, совершенно безразлична и истина, и судьба отечественного языкознания, оказавшегося в *позорном тупике*.

Грамотеи и простецы надрывают животики – ну и пусть: *«А нам всё равно, а нам всё равно!»*. *Ведь кто ничего не делает*, – уверены они, – *тот – в глазах начальства – не ошибается*. Никто ведь с них не спросит: *на нет и суда нет*. Для них важнее, видите ли, как можно хитроумнее переставлять в словах знаки ударения. Максимум – и то под давлением, по их просвещённейшему мнению, дилетантов – поставлять точки над «е». А здравые научные идеи и концепции пусть приходят с Запада: *Запад нам поможет* – тогда и приобщимся. Западные же лингвисты уже внимательно приглядываются к проблеме, хотя материалы имеются пока лишь на русском (запросы из Германии, Италии и США).

«Наши учёные, – некогда язвил *Г. К. Лихтенберг*, один из самых блестящих немецких остроумцев XVIII века, – впадают в ошибку лавочников маленьких городов. Они покупают товар не там, где он вырабатывается, а охотней следуют сначала указаниям англичан и французов». И, добавим мы, *сэмитов*, коммивояжёров от *дяди Сэма*.

Однако же, – по мысли *Ф. Жолио–Кюри*, – страна, народ которой не стремится развивать науку, «неизбежно превращается в колонию». И для насельников её, – согласно некому остро слову, – наука будет лишь служить тому, чтобы *являть размеры их невежества*. Если, конечно же, они уж совершенно не подавят в себе божественный дар мысли и вопрос, по *Лихтенбергу*: «что труднее: думать или же не думать», – не будет всё ещё окончательно и бесповоротно снят.

«Готтентоты, – к слову, – называют мышление бичом жизни. «Сколько готтентотов среди нас!», – восклицает *Гельвеций*», – писал ближайший продолжатель *Лессинга*.

Напротив, «изо всех народов первым будет всегда тот, который опередит другие в области мысли и умственной деятельности» и у которого наука будет одним из самых возвышенных воплощений любви к Отечеству (*Л. Пастер*).

Молчит, набравши в рот воды, – продолжим, – и новообразованный научный центр – Санкт–Петербургский университет, возглавлявшийся в означенные времена почтенной дамой–лингвистом, – видимо, провиденциально – в чёрных очках, – о печальных результатах объективного диагностирования тупиковой ситуации в отечественном языкознании и опасности прозябания в профанах телеизвещённой лично автором.

Молчит и Московский университет, не оставленный, понятно, в неведении и своевременно информированный (отправлением нескольких экземпляров книги и электронным образом), но и поныне пребывающий, однако, в благодушном анабиозе. Если не считать, правда, пустых электронных отписок и бездумных отговорок лингвомэтров сего сонного царства.

Академии и философские кафедры ... служат вывеской, внешней личиной мудрости; но ... она здесь большей частью отсутствует, скрываясь где–то в совершенно иных местах.

Артур Шопенгауэр (1788–1860)

Не справились с проблемой и бюрократы из аппарата Президиума РАН, более чем через три с половиной месяца после обращения автора настоящих строк в высокие инстанции отделавшись бездумной отпиской. Предложим краткий анализ её.

В качестве «ответа» на Обращение автора настоящих строк *на имя Президента РФ*, поступившего «для рассмотрения в Отделение историко–филологических наук Российской академии наук», вх. № Ю–1497–99–31 от 9 декабря 2009 года, получена откровенная отписка, – притом отписка вопиюще безграмотная, – за подписью заместителя академика–секретаря Отделения ИФН по научно–организационной работе *А. Е. Петрова* (исп. *Е. А. Никифоров*), исх. № 14100–1851/42.

Отписка датирована 17 февраля 2010 года. Однако отправлена она была лишь после обеспокоенного звонка автора Обращения 5 марта 2010 года, зафиксирована в п/о 115088 города Москвы 11 марта, получена адресатом 16 марта 2010 года, то есть *более чем через три месяца* после поступления материалов в РАН.

Более того, отметим, в «шапке» отписки значится *совсем иной адрес*, весьма отличный от действительного: вместо дома 2, кв. 78, по ул. Шарикоподшипниковской здесь значится «дом 7, кв. 58». Учитывая характер ситуации, можно предположить, что отписку и вовсе не собирались отправлять адресату. А в качестве «отмазки» и придуман (или привычно использован?) своеобразный подлог: в случае пожарного сигнала всегда можно будет сослаться на техническую промашку, что, собственно, уже и было сделано.

Что касается характера сей отписки, подготовленной под рубрикой ОИФН Российской академии наук, то текст её в основном состоит из *якобы цитат, даже заковыченных*, из Обращения автора настоящих строк и содержит весьма скудное количество вербализованных мыслевыражений самого подписанта (или исполнителя), притом не имеющих абсолютно никакого отношения к науке (хотя само последнее слово многократно повторяется в отписке).

Более того, даже на весьма и весьма ограниченном пространстве заместитель академика–секретаря (вместе со своим исполнителем, несомненно) допустил целую серию *ляпов*, не простительных даже для рядового школяра.

Обращение отнюдь не обвиняет «российскую и мировую лингвистическую науку в *невежественности* и обскурантизме», (во) «всякой вычурной и кудреватой профанации объективных законов языка» (конец цитаты с передержками и некорректностями). Однако *на основании приведённых свидетельств и аргументов* здесь действительно утверждается, что российская лингвистическая наука несомненно несёт на себе «упорно не смываемую печать невежества и обскурантизма».

Несколько ниже в Обращении говорится: «К настоящему времени в лингвистике и смежных дисциплинах, к великому сожалению, возобладала очевидная сама по себе и самопротиворечивая элементарно и принципиально *ошибочная тенденция* примысливать *адъективу* значение *качества, свойства, признака*...».

Непосредственно за этим следуют аргументирующие и иллюстрирующие отсылки: «... (см., в частности, академическую «Русскую грамматику» (АГ–80) и Энциклопедию «Русский язык», подготовленные Институтом русского языка РАН, Лингвистический энциклопедический словарь, изданный Институтом языкознания РАН, и прочее и прочее и прочее)».

И далее говорится: «Последний же, будучи исконным *семантическим субстантивом*, притом *субстантивом конкретным*, является знаком отнюдь *не качества*, как сие ныне – *вопреки всякому здравому смыслу* – всюду и обыкновенно утверждается, но знаком *реального или мыслительного субстанциализированного объекта, обладающего соответствующим качеством*, каковое обозначается, напротив, *абстрактным именем существительным*, мотивированным соотносительным *прилагательным*».

Затем следует: «*Адекватные прозрения* в этом аспекте восходят, в частности, к *Платону, к трактату «Категории»*, приписываемому *Аристотелю*, к самому *Стагириту, Порфирию, Боэцию, Присциану, Иоанну Дамаскину, Ансельму Кентерберийскому, Фоме Аквинату, Оккаму, Гоббсу, грамматикам и логикам Пор–Рояля, Лейбницу, Миллю*...».

В отписке же читаем: «Суть Ваших обвинений сводится к тому, что в лингвистике и смежных дисциплинах «возобладала ... элементарно и принципиально *ошибочная тенденция* примысливать *адъективу* значение *качества, свойства, признака*».

В своих утверждениях Вы ссылаетесь на мнение ряда авторитетов: «*Платона, Аристотеля, Стагирита* (sic!), *Порфирия, Боэция, Присциана, Иоанна Дамаскина, Ансельма Кентерберийского, Фомы Аквинского, Оккама, Гоббса, грамматиков и логиков Пор–Рояля, Лейбница, Милля*...». (NB:) Мы бы добавили к числу Ваших единомышленников ещё и Митрофанушку – известного персонажа пьесы Фонвизина» (конец цитаты).

Во–первых, согласно отписке выходит, *якобы* автор Обращения *будто бы* ссылается «на мнение ряда авторитетов» в поддержку *ошибочной тенденции* «примысливать *адъективу* значение *качества, свойства, признака*...».

В действительности же названным древним и менее древним учёным, имена коих приводятся в отписке *не без огрехов*, принадлежат, напротив, *адекватные прозрения* в аспекте *адекватной трактовки* смысла имени прилагательного.

Более того, представителю академии, который со всей очевидностью даже *не знает и не ведаёт* того простейшего факта, что *Аристотель* и *Стагирит* – это *одно и то же лицо*, вряд ли подобает безграмотно и вульгарно *ёрничать*, – притом отнюдь не в то время и не в том месте, когда и где это вообще допустимо, выражая интенцию добавить «к числу (моих) единомышленников», – единомышленников, отметим, великих, внёсших в мировую науку неопределимый вклад, – «ещё и Митрофанушку – известного *персонажа* пьесы Фонвизина».

Может, по *простаковости* своей он вообще здесь не в теме? Но в любом случае на наших глазах совершенно кошунственное надругательство над памятью великих, хрестоматийных учёных, мнения коих, воспроизведённые в Обращении, пренебрежительно игнорированы, если вообще с ними хоть сколь-нибудь познакомились. Понятно, трёх месяцев на это не хватит.

И далее академический просветитель продолжает: «Когда Вы пишете, что прилагательное, «будучи исконным *семантическим субстантивом*, притом *субстантивом конкретным*, является знаком отнюдь *не качества*, (?) но знаком *реального или мыслительного субстанциализированного объекта, обладающего соответствующим качеством*, каковое обозначается, напротив, *абстрактным именем существительным*, мотивированным соотносительным *прилагательным*», то в точности следует заветам Митрофана с его непосредственным, без «примысливания» восприятием русской грамматики. Та дверь, которая приложена к дому, для него – «прилагательна», а которая прислонена к амбару – «так та покамест существительна» (конец цитаты).

Во-первых, в принципе приведённые в кавычках тезисы – это не мои идеи: я просто стоял на плечах тех гигантов мысли и благоразумия, которые вряд ли знакомы нашему амбарному фонвизиноведу, гигантов, над которыми он в очередной раз совершает кошунственное надругательство.

Во-вторых же, *в данном случае нам предлежит единственный «научный»*, точнее, *научнообразный аргумент со стороны мнимого учёного, других здесь нет: дверной Митрофанушка – и дело решено!*

Вопреки очередному передергиванию в отписке, – далее, – мною отнюдь не предлагается «Президенту России совершить *«учёный оверштаг»*», используя при этом методы «циркового тычка». Мною отнюдь не предлагается «Д. А. Медведеву припугнуть лингвистов с тем, чтобы они под страхом увольнения стали думать так же, как и (я)». Даже таких слов у меня здесь нет. Но мною действительно предлагается *призвать* бюджетников «с претензией на монополию в интеллектуальной сфере» совершить «учёный оверштаг» и применить свой интеллект *по назначению*, а не для мультиплицирования бесконечных бездумных отписок.

Никто отнюдь и не думал и не думает посягать на конституционное право всякого гражданина Российской Федерации – в том числе и всех мнимых учёных, – на гарантированную всем и всякому свободу мысли и слова. «Пусть человек думает, если ему хочется!» (*Гегель* вместе с *Лениным*). Но в действительно учёной – тем более бюджетной – среде эта свобода имеет свои регламенты, ибо беспривязное, вольнопасущееся невежество, подобное продемонстрированному в отписке, не подпадает под защиту никаких конституционных статей. Кроме разве гарантии бесплатного здравоохранения, да и то регламентированного.

Однако в сем невежественном и вульгарном опусе отражён и своеобразный «позитивный» момент: он воочию убеждает, что, повторимся, российская лингвистическая «наука» несомненно несёт на себе «упорно не смываемую печать невежества и обскурантизма». И сие клеймо к тому же агрессивно защищается – не мудрствуя лукаво и руководствуясь всего одним лишь только простаковским аргументом.

При этом, как видим, ни один из выдвинутых авторских научных аргументов не был ни доказательно опровергнут, ни доказательно отвергнут. Ни один из них, заметим, не был даже проанализирован, ибо, полагаем, и вовсе не прочитан: академические скептики давно уж разучились читать чужое. Ни один оппонирующий контр–контраргумент не был сформулирован: *«Не до грибов, Петька, не до грибов!»*. Кроме разве такового, по почину чеховского учёного соседа: *«Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!»*.

Вот бы ансельмов *Ученик* услышал сие из глубины веков! Вот бы надорвал он свой уже надорванный животик!

«Много говорят о просвещении и желают побольше света, – сокрушался более двухсот лет тому назад упомянутый автор знаменитых «Афоризмов». – Но, Боже мой, какой от этого толк, если у людей либо нет глаз, либо те, у кого они хотя и есть, нарочно зажмуриваются?». А с другой стороны, добавим, – затыкают и уши.

Не нагнетая более страстей, ибо полагаю, что и так уже сказано предостаточно, в завершение дерзаю выразить твёрдое убеждение в благоприятной перспективе скорейшего и безболезненного уврачевания хотя и застаревшего, но лишь поверхностно метастазировавшего инфантильного недуга в языкознании. Для этого необходимо лишь преодолеть сопротивление творческому мышлению со стороны записных авгугов и жрецов «науки», сих подспудных противников просвещения и прогресса.

Почти шестилетний *латентный* срок выдержан. Теперь, надеемся, приблизилась пора, по *Лихтенбергу, мысля и прозревая*, «прослеживать всё до последнего предела, чтобы не оставалось ни малейшей смутной идеи, обнаруживать недостатки, исправлять их или вообще указывать на что–то более совершенное в данном направлении», ибо это – «единственное средство приобрести так называемый *здравый смысл*, что и должно являться конечной целью наших (учёных) усилий».

Ведь *«в здравом смысле* исток работы творческой и верной» (*Горацій*. Послание к Писонам, 309).

«Необходимо лишь желать, гласит, – по *Лихтенбергу*, – основной принцип *Гельвеция*». И, безусловно уж, – примыслим, – *думать!* Если, конечно же, – по *Гегелю* и *Ленину*, – *возжелаем* того.

Посему и обращаюсь к Вам, уважаемый г–н Председатель и уважаемые члены Совета при Президенте Российской Федерации по науке, технологиям и образованию, с настоятельной просьбой *оказать содействие в проведении в научную жизнь означенных выше идей, уже получивших высокую апробацию со стороны названных выше видных специалистов в языкознании*, осознавших остроту проблемы и высоко оценивших предложенное её решение в аспекте реконструкции ряда разделов современного языкознания, а также логики и философии.

Речь, повторимся, идёт об отзывах универсальных специалистов–языковедов: действительного члена Российской академии наук по отделению литературы и языка д–ра филологии профессора *Ю. С. Степанова* (Институт языкознания РАН); д–ра филологии профессора *В. М. Алпатов*, заместителя директора Института востоковедения РАН; тогда профессора кафедры общего языкознания МГПУ д–ра филологии *А. М. Камчатнова* (его перу принадлежит *Предисловие* в опубликованной книге); д–ра филологии профессора *В. З. Демьянкова* (Институт языкознания РАН).

Инициатива рецензирования рукописи исходила от директора Института языкознания РАН *В. А. Виноградова*, который способствовал и фактическому проведению означенной кампании. Посему, полагаю, было бы вполне целесообразным именно Институту языкознания и препоручить осуществление дальнейших шагов в аспекте более широкой и глубокой проработки и внедрения предложенных идей в целях целительной реставрации изъеденной молью учёной ткани соответствующих научных направлений.

Ведь в свете *корректного истолкования* семантики адектива, *восстановленного* автором настоящих строк, напомним, подлежат пересмотру и адекватной реконструкции многие устоявшиеся в языкознании псевдонаучные шаблоны и стереотипы в контексте *теории имени вообще и имени прилагательного, имени существительного, имени числительного, причастия и других частей речи* – в частности, а также *теории предикации, теории предложения, теории силлогизма* в формальной логике, а также истории философии и самой философии, в частности – аристотелеведения, и многих иных связанных с этим аспектов...

Названные выше рецензенты и рекомендованные ими адекватные учёные, полагаю, как раз и могли бы быть приглашены для организации более широкой и глубокой конкретной проработки и реализации предложенных идей.

Со своей стороны готов оказывать всяческую помощь подвизающимся в сем благом течении.

В *практическом* аспекте полагаю необходимым и целесообразным благопоспешительное проведение широкопредставительной конференции по проблеме семантики имени прилагательного на уровне РАН и соответствующих академических научных творческих структур.

В аспекте подготовки конференции было бы безусловно полезным и целесообразным, в частности, незамедлительное переиздание уже имеющейся книги автора сих строк «Прилагательное: потерянное и возвращённое имя» с тем, чтобы выиграть время и пространство.

Тираж переиздания должен быть достаточным для того, чтобы информировать все научные и учебные лингвистические, а также логико–философские центры страны и поощрительно пригласить их к изучению проблемы и выработке собственных концептуальных позиций с перспективой их публикации и представления на подготавливаемой конференции.

Инициатива подготовки иных информативных материалов и учёных публикаций в контексте обсуждаемой проблемы, если таковая вдруг проявится, отнюдь не возбраняется.

Целесообразно предусмотреть и предоставить исследователям возможность предварительного широкого рабочего обмена мнениями в пропедевтическом аспекте.

Параллельно рабочая группа по подготовке конференции должна будет выработать концепцию конференции и подготовить перечень предлагаемых для обсуждения конкретных тем с учётом предложений и пожеланий со стороны заинтересованных инстанций.

Тематика конференции может быть предельно широкой в историческом и концептуальном аспектах: от *Платона, Аристотеля* и трактата «*Категории*» через античных грамматиков, *Бозэция, Присциана, Иоанна Дамаскина, Ансельма Кентерберийского, Абеяра, Фомы Аквината, Оккама, Гоббса, грамматиков и логиков Пор–Рояля, Лейбница, Милля* – до представителей *бесконечно и сугубо ошибочных тенденций* в языкознании XIX–XX веков...

Безусловный императив, согласно *Локку* или *Лейбницу*: изучать древних следует не для того, чтобы *узнать, как было*, но для того, чтобы *знать, как должно быть*.

Итак: *вперёд, Россия!*

С наилучшими пожеланиями всяческих благоприятных и благовременных стяжаний в Вашем непрестающем добром делании и надеждами на непременный конечный успех в сем благом течении

18 марта 2010 года

ЭДУАРД (АНДРЕЙ) ИВАНОВИЧ ЮРЧЕНКО

ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. *А. И. Юрченко*. Прилагательное: потерянное и возвращённое имя. – М.: Институт Европы РАН, 2004;
2. *А. И. Юрченко*. Прилагательное: потерянное и возвращённое имя. – М.: Издательство «Перспектива», 2004;
3. Дискеты с электронным набором текста книги (2 экз.);
4. *Андрей Диакон*. Философические и теологические опыты. – М.: «Книга», 1991.

Некоторые публикации научных статей автора помещены в выпусках журнала Российской академии государственной службы (РАГС) при Президенте Российской Федерации «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» за 2007 (№ 3–4) и 2009 (Спецвыпуск № 1 и др.) годы; *online*: www.rags.ru; а также сайты: www.textology.ru/urch и др.

ЭДУАРД (АНДРЕЙ) ИВАНОВИЧ ЮРЧЕНКО